

УДК 821.161.1

Никонова А.А.

Московский государственный областной университет

**ВАРИАЦИИ ТРАГИЧЕСКОГО ОБРАЗА РОССИИ
В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА**

A. Nikonova

Moscow State Regional University

**THE VARIATIONS OF A TRAGIC IMAGE OF RUSSIA
IN THE EMIGRANT POETRY OF IGOR SEVERYANIN**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности воплощения темы России в эмигрантской поэзии Игоря Северянина. Автор обращает внимание на изменение поэтического стиля в целом, а также на возникновение своеобразных черт гражданской лирики поэта, который занял обособленную и нейтральную позицию «дачника», который не желает быть причисленным к какой-либо группировке. Автором рассмотрены ностальгические, критические, иронические, утопические мотивы, а также интерпретация символа «розы» как образа утраченной Родины.

Ключевые слова: Россия, Эстония, эмиграция, прошлое, природа, лирика, ирония.

Abstract. The article discusses the characteristic variations of a subject of Russia in Igor Severyanin's emigre poetry. The author pays attention to change of poetic style as a whole, and also to emergence of peculiar signs of civil poetry of I. Severyanin who took the isolated and neutral position of "summer resident" who doesn't wish to be ranked in any group. The author examined nostalgic, critical, ironical, utopian motives, and also interpretation of a symbol of "Rose" as an image of the lost Homeland.

Key words: Russia, Estonia, emigration, past, nature, lyrics, irony.

Художественное сознание одного из самых известных поэтов русского модернизма Игоря Северянина, эмигрировавшего в послереволюционный период, на первый взгляд, не претерпевает существенных изменений. Знаменитые ирония и самоирония, подчеркнутая эмоциональность, обилие авторских неологизмов, общая музыкальность стиха, любовь к экспериментам в стихосложении – всё это позволяет узнать авторский почерк. Однако проявляется и новое – отход от словесно-инструментальной изысканности в сторону органичности и непринуждённости самовыражения. Критик Петр Пильский отмечает: «Игорь Северянин стал <...> постоянен. Петербургский период отцвёл, увял и умер, появилась жажда простоты, свежести просторов земли...» [9. с. 556].

Поэт обращается к прошлому, делает выводы, использует ретро мотивы в создании новых крупных произведений. Лирика же эмигрантского периода все более набирает трагические черты, что имеет ряд причин. Слишком много разочарований постигло не только поэта, но и всю былую мощную Россию. В саркастических интонациях стихотворения с говорящим названием «Конечное ничто» Северянин безжалостно высмеивает умозрительные взгляды революционно настроенной русской интеллигенции и их печальные последствия:

*Какая ширь была во взоре!
Как стебель рос! и стебель сгнил...*

*Простор лазоревых теорий
И практика мрачной могил...* [13, с. 152].

Истоки такой удручающей безысходности кроются, по мысли поэта, не в «холопье» особенности национального характера, а в раздирающих сознание русского человека противоречиях, в неспособности различить мнимое и Истинное.

С одной стороны, поэт живёт великой природой и созвучными ей «свободными и смелыми» стихами, проистекающими из самых глубин души [9, с. 323]. С другой, осмысляя болезненную расщеплённость, варварский дух современной действительности, поэт чувствует свою неуместность, ненужность, несвоевременность:

*Ужасный век: он целиком расколот!
Ему смешно сердечное: «Онежь!»* [13, с. 156].

Когда-то создатель прогремевшего на всю Россию литературного течения, не только идущего в ногу со временем, но и задающего литературную моду, теперь Северянин чувствует, что многие веяния 20-30-х годов ему не по душе:

*Вам «новым», вам «идейным» не понять
Ажурности «ненужного» былого...* [13, с. 165].

«Сказочное», «лёгкое», «дорогое» прошлое в толковании поэта, несмотря даже на «карнавальные» его оттенки, объяснимо: с ним связана не только молодость, но особая свежесть ощущений – в творческом самовыражении. Именно поэтому современные «идейные» концепции противоречат ушедшим безвозвратно «молитвенным мечтам» подлинных патриотов о справедливости и торжестве разума в могущественной России.

Игорь Северянин сверхболезненно воспринимает уход «духовно родных»: в «Поэме душевной боли» поэт перечисляет беды, которые поведала ему «тенденциозная и сухая» Ревельская газета – арест Ф. Сологуба, смерть Л. Андреева и Л. Собинова...

*В России тысячи знакомых,
Но мало близких. Тем больней,
Когда они погибли в громах
И молниях проклятых дней...* [13, с. 176.]

По мысли поэта, это не только уход близких людей, но и уход своей эпохи.

Россия вызывает у Игоря Северянина двойственные чувства, что, впрочем, было свойственно не одному поколению русских поэтов. Так, в стихотворении «Моя Россия» (1924) развивается тема контрастов, заданная взятыми для эпиграфа блоковскими строками «И вязнут спицы расписные в расхлябанные колеи»:

*Моя безбожная Россия,
Священная моя страна! <...>
Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна!* [13, с. 289-290].

Можно привести целый ряд оксюморонных определений отчизны у современников: «Так нежно ненавижу и так язвительно люблю» В. Ходасевича [1, с. 85], «Я знаю, ты умереть готова, но смерть твоя будет жива» С. Есенина [1, с. 179] и т. д. У Северянина эта тенденция «полярности» России и русского человека нашла отражение во многих стихотворениях, особенно в сборнике «Классические розы» (1922 - 1930). В стихотворении «Кто же ты?» в манере частушки задан вопрос: «Ты гулящая девица / Или Божья благодать?» [13, с. 273]. В «Предвоскресеньи» родина названа странной страной, которая умирает и воскресает не раз «как любовь, как солнце, как весна, <...> как Христос». [13, с. 273]. Конечно, Россия не абстрактно хороша или плоха, она такая, какой её делает народ. В поэзии эмигрантского периода всё чаще появляется мотив вины перед Россией, акцент ставится на том, что нужно стать достойным своей родины, а не сетовать впустую.

*Что толку охать и тужить –
Россию нужно заслужить!* [13, с. 274].
*Или:
Родиться Русским – слишком мало:
Им надо быть, им надо стать!* [13, с. 277].

Здесь звучат и критика, и самокритика одновременно.

Исторические потрясения, связанные с событиями 1917 года, находят в стихах Северянина разную интерпретацию. Вопрошая «Но где возмущенье? Где протест?» [13, с. 161], выступая против рабского, бессмысленного существования, поэт, однако, осознаёт: «Как отвратительна свобода / В руках неумного народа, что от свободы одичал». Одухотворённая ранее свобода в годы революционной стихии может «нагло смять» все священное и родное [13, с. 153]. Однако из уст Игоря Северянина даже такие «призывные» слова звучат не воинственно, а миротворчески. Ещё в 1914 году, мысленно отвечая обвинению в отстранённости, он восклицает: «Да здравствует святая трусость / Во имя жизни и мечты!» [13, с. 109]. Подобная позиция, отвергающая революционный пыл, перешла и в более позднее творчество: кроме «ценности алтаря» великого искусства для поэта не существует более никаких ценностей.

И всё же вместе с глубоким осмыслением социальных катаклизмов всё чаще в эмигрантские годы проявляется у Северянина ностальгическая направленность лирики. Названия стихотворений говорят сами за себя: «Стихи Москве» (1925), «Страничка детства» (1929), «Пасха в Петербурге» (1926).

*И будет вскоре весенний день,
И мы поедem домой, в Россию...
<...> И будут праздник большой-большой,
Каких и не было, пожалуй...
<...> И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую! [13, с. 274 - 275].*

В отличие от других эмигрантов, язвительно относящихся к новой России и её правительству, мечтающих об обратном перевооружении, чтобы вернуть всё на свои места, Игорь Северянин среди печальных раздумий, критичных воспоминаний порой утопически мечтает, будто на родине ничего страшного и не произошло... У Бердяева в труде «Русская идея» есть прозорливые слова: «У русских иное чувство земли, и самая земля иная,

чем у Запада. Русским чужда мистика расы и крови, но очень близка мистика земли» [4, с. 285]. Показательно, что именно неистребимую тягу к самой земле, а не к людям отобразил в своих стихах поэт.

Стремление к независимости и удалённость прибалтийского курорта, где жил поэт, от центров русской эмиграции, конечно, породило и укрепило своеобразную внутреннюю изоляцию Игоря Северянина в поздний период творчества. Следующие строки написаны ещё в 1916 году, но они характеризуют его позицию на все последующие годы жизни и творчества:

*Здесь царство в некотором роде,
И от того, что я — поэт,
Я кровью чужд людской породе
И свято чту нейтралитет [10].*

В то время, когда другие вольные или невольные изгнанники из России сбивались в кружки, стараясь воспроизвести родину в миниатюре, Северянин встречался лишь с теми, кого называл друзьями, а литературные кружки критиковал за «кумовство», практикуя в них. «Мы с Музой радостны, но в радости — одни», (1927) — признаётся Северянин. К тому же ему вовсе не хотелось бранить большевистскую Россию, как это было принято среди эмигрантов. В своих воспоминаниях Сергей Макаев, современник поэта, отмечает следующее: «Поразила меня в Северянине одна особенность — его отношение к Советскому Союзу, не было у него в разговоре недружелюбного тона, в нём не чувствовались (в двадцатых годах) раздражение и непримиримость обиженного эмигранта. Это очень отличало его от других беженцев» [8, с. 247]. В 1925 году Северянин пишет стихотворение, которое могло вызвать негодование среди эмигрантов: «Отечества лишённый» («Классические розы», 1922-1930). С одной стороны, оно необычайно напевно, печально повествует о потере своей родины и выражает надежду (в том числе и самого Северянина) на возвращение в Россию. С другой стороны, последние строки высмеивают по-

добные чаяния, так как потеря родины не внезапная беда, а закономерное следствие многочисленных ошибок («свой дом не сумев сберечь»):

*Глупец! от твоей тоски
Заморским краям смешно,
И сетовать ты не прав,
Посмешище для людей...
Живи же, у них участь
Царём быть своей судьбы!.. [13, с. 279].*

Поэт всё же догадывался, что, мягко говоря, не подходит своей изменившейся родине: «Конечно, я для вас «аристократ», / которого презреть должна Рассея...» [13, с. 166]. Но и беженцем или ссыльным его назвать было тоже нельзя. Поэтому вполне понятно, что поэт называл себя совершенно нейтрально – «дачник» [14, с. 7]. Также нейтрально и особняком Северянин старался держаться во всём.

*Я не с этими и ни с теми,
Одинаково в стороне,
Потому что такое время,
Когда не с кем быть вместе мне... [13, с. 365].*

И теперь, находясь в положении «дачника» в Эстонии, Северянин критично оглядывается назад, в Россию, в прошлое, оценивает его и пишет «Поэзу упадка» («Менестрель» 1921). Эта поэма является одним из сильнейших по эмоциональному воздействию на читателя стихотворений, отражающих эпоху начала XX века.

*К началу войны европейской
Изысканно тонкий разврат,
От спальни царей до лакейской
Достиг небывалых громад... [13, с. 146]*

Далее оттеняются черты рубежа эпохи, в которой и сам поэт был активным деятелем, поэтому критика прошлого читается ещё и как самоирония: «Повальное пьянство. Лень... <...> Утончённо-тонкие дуры / Выдумывали новый стиль. <...> Они, кому в нравственном тесно, / Крошили бананы в икру, / Затеивали так эксцессно / Флиртуя-

щую игру. / <...> ... И поза / Назойливо лезла в глаза [13, с. 147].

Перед нами будто строки не Северянина, каким его запомнили в петербургский период, а графа Толстого, заговорившего вдруг лексикой Северянина. Вспомним: когда-то Толстой резко прошёлся по понравившейся сначала «Хабанере» словами, вмиг сделавшими Северянина знаменитым на всю страну: «Чем занимаются!.. Это литература! Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки!» (1909 г.) [6, с. 738]. Как иронично пишет Северянин в одном из эмигрантских произведений, «Сам от себя – в былые дни *позёра*, / Любившего усад душевных хмель – Я ухожу раз в месяц на озёра...» [13, с. 329], открывая воистину толстовскую восприимчивость целительной природы. Интересная аллюзия на философию Льва Толстого отражена в серии антивоенных стихотворений, где Северянин рисует желаемый образ людей будущего:

*Возгрянут гимн добру и красоте
И забожат, как деды не божили,
<...> Они воздвигнут культ вегетарьянства
И будут жить в священной простоте [13, с. 163].*

Успешно пребывать, пусть и мысленно, в выдуманной стране Миррелии (от имени почитаемой Северяниным поэтессы Мирры Лохвицкой) поэту удавалось до тех пор, пока не «стали одно за другим терять» [3, с. 121], цитируя ставшие пророческими слова Анны Ахматовой. Лев Аннинский так очерчивает время появления в творчестве Северянина России, которой «как бы не было - ни в стихе, ни в реальности» у поэта-грезёра и вселенника: «Тема России возникает внезапно – в ноябре 1917 года. С этого момента – непрерывный, неостановимый, захлёбывающийся монолог...» [1, с. 81]. Но можно определить и более чёткую границу, когда критика родины переходит в светлую память о ней. В 1919 году появляется стихотворение с говорящим названием «Отходная Петрограду», где один город как бы расслаивается на ушедший, дорогой

поэту Петербург и Петроград – «кошмарный город – привиденье», «город – склеп», «живой мертвец», «проклятый», «кончающийся» [13, с. 151]. Временное, по собственной воле пребывание на заграничном курорте несравнимо с вынужденной оторванностью от своей языковой среды, с ощущением ненужности своей стране, неуместности и даже опасности пребывания на родине, с пониманием того, что «Россия построена заново / Не нами, другими, без нас...» [13, с. 494]. И вот стихотворение уже 1926 года «Пасха в Петербурге» может продолжить длинный ряд ретроспективных произведений, воскресающих и приукрашающих в памяти то былое, то «бывшее богатство», что ушло, не оставив даже топонима...

Веселье во всём – в колоколах и даже шуме города и вымытых стёклах, запахи везде, даже солнцем – пахнет. Неизбывное счастье, поцелуи, восторг!

*Юность мчалась, цветы приколовши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и галоши. <...>
Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!* [13, с. 285].

Даже то, что казалось ветхим, смешным, становится последней ниточкой, связывающей Северянина с его родом в широком понимании этого слова. Ценностный вектор теперь подчёркнуто направлен в сторону русскости, пусть даже мифологизированной. Осознанию утраты русской почвы посвящены многие строки поздней лирики Северянина, однако эти же строки говорят о постижении духовного родства.

*Нет. Я не беженец, и я не эмигрант,
Тебе, родительница, русский мой талант,
И вся душа моя, вся мысль моя верна
Тебе, на жизнь меня обрекшая страна!..*

*Мне не в чем каяться, Россия, пред тобой:
Не предавал тебя ни мыслью, ни душой,
А если в чуждый край физически ушёл,
Давно уж понял, как то не хорошо...* [14, с. 257].

Подводя итог, можно сказать, что поздняя лирика Игоря Северянина не только приоб-

ретаёт чётко звучащие гражданские мотивы, но и напрямую затрагивает тему России. У каждого из русских поэтов-эмигрантов эта волнующая тема раскрывалась по-своему, у Северянина, думается, она обобщена в традиционном для русской лирики символе розы. В.В. Набоков отмечает: «Роза пылала на ланитах пушкинских красавиц. В кущах Фета она расцветала пышно, росисто и уже немного противно. О, какая она была надменная у Надсона! Она украшала дачные садики поэзии, пока не попала к Блоку, у которого чернела в золотом вине или сквозила мистической белизной» [9, с. 25]. Игорь Северянин перенимает этот образ через эпитафию с мятлевским четверостишием, продолжая его в своём известнейшем стихотворении «Классические розы» из одноименного сборника (1931 г.). «С мятлевскими, классическими, розами связан другой важный мотив, воплощённый в этом хрестоматийном образе, – память об оставленной родине» [9, с. 25].

*Но дни идут - уже стихают грозы
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы
Моей страной мне брошенные в гроб!*
[13, с. 272-273].

Продолжая классические традиции, в которых развивалась тема Родины в литературе, и одновременно придерживаясь индивидуального стиля, Игорь Северянин воплощает свою позицию беззлобья, но одновременно - горечи, то критикуя, то безудержно изливая свою любовь к отчизне. Его взгляд чаще всего обращён в прошлое: «Несбыточней бывшего нет ничего» [9, с. 477]. Многоцветная эмоциональная палитра оттеняет философское сознание и прозорливо-мудрое видение мира бывшего «короля поэтов».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аннинский Л. Красный век: Серебро и чернь. Медные трубы. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 397 [3] с.: ил.
2. Антология русской поэзии. Серебряный век / Сост., предисл., биограф. Заметки С. Дмитренко. – М.: Эксмо, 2006. – 720 с.

3. Ахматова А.А. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2010. – 1007 с. : ил. – (Полное собрание в одном томе).
4. Бердяев, Н. Русская идея. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 286, [2] с. – (Философия. Психология).
5. Венок поэту (Игорь-Северянин): [сборник / Сост. М. Корсунский, Ю. Шумаков]. – Таллин: Ээсти раамат, 1987. – 86, [1] с.
6. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого 1891-1910. – М.:1960. – 918 с.
7. Иванов Г.В. Стихотворения; [сост., вступ. ст., примеч. В Смирнова]. – М.: Эксмо, 2008. – 384 с. – (золотая серия поэзии).
8. Игорь Северянин глазами современников: [Сборник/ сост., вступ. Ст. и коммент. В.Н. Терёхиной и Н.И. Шубниковой-Гусевой]; – СПб.: ООО «Полиграф», 2009. – 576 с.
9. Игорь Северянин. Царственный паяц: автобиограф. Материалы, письма, критика. [сборник] / [сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Терёхина, Н.И. Шубникова-Гусева]; ред. Коллегия: Н.Н. Скатов [и др.] – СПб.: Росток, 2005. – 639 с. – (Серия: Неизвестный XX век).
10. Игорь Северянин. [Электронный ресурс]: Энциклопедическое собрание сочинений. / под ред. Сурица.– ИДДК Мультимедиа-издательство «Адепт», 2003.
11. Критика русского постсимволизма / Сост. Вступит. Ст., преамбулы и прим. О.А. Лекманова. – М.: ООО «Издательство «Олимп»: ООО Издательство АСТ», 2002. – 379[5] с., (Библиотека русской критики).
12. Научная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения Игоря Северянина (1987; Череповец). О Игоре Северянине. – Череповец, 1987. – 76 с.
13. Северянин Игорь. Поэзы и прозы. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 656 с.
14. Северянин Игорь. Сочинения / Сост.С. Исаков, Р. Круус. – Таллинн: Ээсти раамат, 1900. – 544 с.: ил.